

© 1999 г.

Древние империи (Новые подходы к изучению древних империй Запада и Востока)

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ДОЛГОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ К ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ?

Введение. В современной историографии все еще широко распространено представление о существовании долговременной – в особенности же проявившейся в эпоху Северов – тенденции к усилению контроля центра за решением рутинных политических и административных вопросов в городах провинций¹. В данной статье я покажу недостаточную обоснованность утверждения, будто император и высшие должностные лица в провинциях, прежде всего наместники, стали (или пытались) осуществлять более плотный нормативный контроль над провинциальными городами. Характерную особенность всего периода от времени Августа до 235 г. н.э. следует усматривать скорее в сохранении сложившейся практики, нежели в ее изменении. Чтобы доказать это положение, я сосредоточусь на рассмотрении трех аспектов в жизни городских гражданских общин, а именно: введение новых местных налогов и сборов, контроль и эксплуатация общественных (т.е. городских) земель и замещение должностей в городском самоуправлении.

Контекст и источники. Для начала необходимо кратко охарактеризовать провинциальное управление вообще и связанные с этой темой источниковедческие проблемы.

А. Характер провинциального управления. Территория Римской империи во II в. включала около 5 млн. кв. км. При Траяне она делилась на 44 провинции, при Септимии Севере – на 48. В середине II в. численность высших администраторов сенаторского или всаднического ранга, которые несли постоянную службу в провинциях, достигала примерно 160 человек². Только они были уполномочены осуществлять некоторые ключевые публичноправовые функции (например, судопроизводство по тяжким уголовным преступлениям или разрешение споров, возникавших между различными общинами). Следовательно, по отношению к географическим и демографическим масштабам империи число таких должностных лиц было невелико. Например, в Ближнюю Испанию – провинцию площадью около 300 тыс. кв. км – обычно направлялось всего лишь три администратора сенаторского ранга. К тому же не существовало разветвленного бюрократического аппарата из

¹ Ясное и четкое изложение господствующей в историографии точки зрения см. в кн.: Jacques F. *Le privilège de liberté. Politique impériale et autonomie municipale dans les cités de l'Occident romain (161–244)*. Rome, 1984. P. V–XXXV, (введение).

² Очень ясное описание см. в кн.: Eck W. *Die Verwaltung des Römischen Reiches in der hohen Kaiserzeit. Ausgewählte und erweiterte Beiträge*. Bd I. Basel, 1995, (гл. 1).

чиновников более низкого ранга, состоявших на службе у римского государства и постоянно пребывавших в той или иной провинции. На первый взгляд кажется, что Римской империи явно недоставало мощности государственной инфраструктуры для того, чтобы вмешиваться в жизнь гражданского общества и регулировать ее³. Но несмотря на этот кажущийся дефицит административных рычагов римскому государству удавалось решать первоочередные задачи – поддерживать относительный социальный мир и регулярно изымать излишки ресурсов с помощью налогообложения в натуральной и денежной форме. Конечно, случались нападения разбойников и пиратов, да и о том, насколько распространенным было насилие в отношениях между отдельными людьми или общинами, мы судить не в состоянии. Но империя не впала в полное беззаконие. Конфликты разрешались, и государство в значительной степени добилось осуществления своей монополии на применение законного насилия. Подобным же образом, пусть даже нам неизвестно, ни сколько именно собиралось ежегодно в виде налогов и сборов, ни какой процент ВВП составляла эта сумма, государство содержало постоянную армию численностью около 350 тысяч человек, и это – свидетельство сравнительно эффективного налогового режима⁴.

Эта относительная эффективность имперского государства в том, что касалось поддержания внутреннего мира и сбора налогов, несмотря на кажущийся дефицит административных возможностей, достигалась путем подключения к делу провинциальных городов и их местных систем управления – магистратов и членов городских советов. Эти местные должностные лица в пределах своих территорий оказывали помощь в розыске и поимке грабителей, разбойников, христиан и других считавшихся преступными лиц (групп); они проводили предварительное разбирательство и передавали обвиняемых на суд наместника для вынесения приговора и наказания⁵. В своих городах и на территории принадлежащей им округи они также отправляли законное правосудие по менее тяжким преступлениям и разрешали тяжбы частного-правового характера. В налоговой сфере именно на каждую отдельную гражданскую общину возлагалась ответственность за сбор всей суммы требуемых с нее платежей⁶. Короче говоря, ключевую роль в сложившемся порядке управления империей играли политические и административные взаимосвязи между высшими должностными лицами государства и системой управления местных гражданских общин.

Кроме того, у местных магистратов и членов городских советов была и другая политическая функция, а именно налаживание повседневного управления делами своих городов и прилегающих к ним территорий. Через систему городского самоуправления осуществлялось отправление местного правосудия, собирались и распределялись местные налоги, принимались нормативные акты, обязательные для местных жителей, а также обеспечивался еще целый ряд сфер деятельности, включая руководство религиозной жизнью общины⁷. Во всем этом имперское государство предоставляло местным магистратам и членам городских советов относительно широкую автономию, хотя наместник провинции был волен в любой момент вмешаться, будь то по своей собственной инициативе или в ответ на обращение к нему местных властей, стремившихся подкрепить действенность своих решений⁸.

Гипотеза о том, что в длительной перспективе наблюдалась тенденция к усилению

³ О понятии мощности государственной инфраструктуры (infrastructural capacity) см. *Mann M. The Autonomous Power of the State // Archives Européennes de Sociologie. 1984. 25. P. 185–213.*

⁴ О возможностях имперского государства в сфере сбора налогов лучше всего см. *Hopkins K. Taxes and Trade in the Roman Empire // JRS. 1980. 70. P. 101 ff.*

⁵ См. очень ясный и сжатый очерк в кн.: *Jones A.H.M. The Criminal Courts of the Roman Republic and Principate. Oxf., 1973, (гл. 3).*

⁶ См. *Brunt P.A. Roman Imperial Themes. Oxf., 1990, (гл. 15 «The Revenues of Rome»).*

⁷ Хорошее описание см. в кн.: *Jacques F., Scheid J. Rome et l'intégration de l'Empire (44 av. J.-C. – 260 ap. J.-C.). P., 1990. P. 251–264.*

⁸ См. *Burton G.P. Proconsuls, Assizes and the Administration of Justice under the Empire // JRS. 1975. 65. P. 102–105.*

контроля из центра, применяется прежде всего при рассмотрении именно сферы местного городского самоуправления. Здесь мы можем только отметить присущую этой гипотезе противоречивость. С одной стороны, из-за ограничений, обусловленных недостаточностью государственной инфраструктуры, империя полагалась на содействие системы местного самоуправления, призванной помогать государству в решении его первоочередных задач по поддержанию порядка и регулярному изъятию излишков ресурсов через систему налогообложения; с другой же стороны, как утверждается, она все более стремилась к осуществлению нормативного контроля над самыми рутинными административными и политическими делами на местах. Такое усиление контроля в принципе могло быть возможным только в том случае, если бы имперское государство увеличило свой собственный потенциал административного вмешательства в провинциях. Однако крупным административным реформам, включавшим разделение гражданских и военных функций и удвоение числа провинций, суждено было произойти лишь при Диоклетиане. Единственным значительным институциональным нововведением в рамках нашего периода было учреждение должности *curator rei publicae*. Как было показано в ряде недавних исследований, значительного распространения она не получила, вводилась от случая к случаю и число занимавших ее лиц было ограниченным⁹. Следовательно, создание этой должности не оказало глубокого воздействия на общий облик и контекст провинциального управления.

Б. Источниковедческие проблемы. Гипотеза об усилении контроля из центра основывается прежде всего на правовых источниках, будь то императорские рескрипты, собранные в Кодексе Юстиниана (далее – С.), или отрывки из произведений юристов конца II – начала III вв., сохранившиеся в Дигестах (далее – D.). В том, что касается этих источников, для начала необходимо отметить два момента общего характера. Во-первых, при цитировании императорских решений наблюдается перекося в пользу постановлений, изданных в то время, когда писали сами юристы (т.е. в конце II – начале III вв.), главным образом из-за соблюдения принципа, который Геренний Модестин сформулировал так: «Позднейшие законы имеют большую силу, чем те, которые были раньше» (D. 1. 4. 4). Этот перекося позволяет объяснить, например, то, почему в Дигестах не цитируется ни один императорский рескрипт, относящийся к периоду ранее правления Траяна¹⁰. Разумеется, никто не станет делать из этого вывод, будто до времени Траяна императорские легаты не обращались к принципсам за советами и не получали от них в ответ рескриптов. Во-вторых, юристы нередко советуют наместникам провинций, как именно тем следует поступать при разрешении проблем и конфликтов, возникающих у местных гражданских общин. Мы увидим, что совет такого рода вовсе не обязательно представляет собой (как зачастую считают) рекомендацию более систематически контролировать внутренние дела всех городов провинции. Скорее, в таком совете формулируются принципы, которыми должны руководствоваться наместники провинций в тех случаях, когда на их рассмотрение выносятся конкретные проблемы; причем принципы эти систематизируются исходя из прошлых примеров и сложившейся практики¹¹.

Теперь мы можем более подробно рассмотреть три упомянутых темы, т.е. введение новых местных налогов, контроль за городскими землями и занятие должностей в местном самоуправлении. Каждая из них имеет значение для нашего понимания жизни гражданских общин в провинциях, поскольку затрагивает важнейшие политические проблемы, возникающие при распределении материальных и духовных ресурсов общества.

⁹ Об этой должности и ее значении см. в особенности: *Burton G.P. The Curator Rei Publicae: Towards a Reappraisal // Chiron. 1979. 9. P. 465–487; Jacques. Op. cit. (гл. 5–7).*

¹⁰ О такой причудливой особенности юридических источников см. *Millar F. The Emperor in the Roman World. L., 1977. P. 323 f.*; ср. объяснение причин, по которым сохранилось значительное число резолюций (*subscriptions*) Диоклетиана 293–294 гг.: *Turpin W. The Law Codes and Late Roman Law // RIDA. 1985. P. 340 f.*

¹¹ Ср. *Jacques. Op. cit. P. 337–351.*

Введение новых налогов. Конституция Севера и Каракаллы (адресованная Гавию Викторину) устанавливает, что «не следует неосмотрительно разрешать взимание новых податей; но если твоя родина столь бедна ресурсами, что нуждается в чрезвычайной помощи, сообщи наместнику провинции факты, которые ты привел в этом прошении. Этот человек после тщательного изучения дела, сообразуясь с общественной пользой, доложит нам о том, что доподлинно узнает. После этого мы будем судить, стоит ли (и в какой мере) удовлетворить твое прошение»¹². Предусматриваемый этим распоряжением процесс получения разрешения из центра, от императора или наместника, нередко считается нововведением периода Северов¹³. Однако хотя и невозможно доказать со всей строгостью, что разрешение центра на взимание новых местных налогов требовалось с самого начала эпохи принципата, эпиграфические данные свидетельствуют о существовании этой процедуры на протяжении I и II вв.¹⁴. Расположенный в Бетике город Сабора во время правления Веспасиана обратился к императору с просьбой об изменении своего местоположения и о внесении изменений в местное налогообложение. Веспасиан ответил, что подтверждает те налоги, «которые, по вашим словам, вы получили от Августа, но если вы желаете ввести какие-нибудь новые, по их поводу вы должны обратиться к проконсулу, поскольку я не могу принимать какое-либо решение, если мне не с кем проконсультироваться по этому вопросу»¹⁵. Другие документы показывают, как вновь основанным городам предоставлялись определенные права на взимание налогов. В 127 г. посольство города Адрианополя-Стратоникеи в Азии получило от Адриана в числе прочих привилегий право на «налоги с их территории»¹⁶. В 158 г. Антонин Пий пожаловал городу в Македонии, опять-таки в ряду прочих привилегий, право взимать со свободных подушный налог в размере одного денария, чтобы обеспечить доход для удовлетворения неотложных нужд¹⁷.

История Пальмирского тарифа, регламентировавшего ставки местных пошлин, взимавшихся с большой группы товаров, ясно показывает степень участия наместника провинции в контроле за местным налогообложением. Сложный документ, известный как Пальмирский пошлинный тариф, состоит из трех больших разделов¹⁸. Их предваряет декрет совета Пальмиры от 137 г., постановившего опубликовать этот документ, чтобы внести ясность в существующее положение дел с различными тарифами и тем самым положить конец череде споров, в разное время возникавших между советом и магистратами Пальмиры и местными откупщиками, которые приобретали право собирать пошлинные сборы. Три основных раздела позволяют нам понять, хотя и не до конца, эволюцию тарифа в предшествующее столетие. Первый раздел

¹² C. 4. 62. 1: non quidem temere permittenda est novorum vectigalium exactio: sed si adeo tenuis est patria tua, ut extraordinario auxilio iuvare debeat, adlega praesidi provinciae quae in libellum contulisti: qui re diligenter inspecta utilitatem communem intuitus scribet nobis quae comperit, et an habenda sit ratio vestri et quatenus, aestimabimus; ср. C. 4. 62. 2–3 и D. 39.4. 10 pr. О местных городских налогах см. *Ligt L. de. Fairs and Markets in the Roman Empire*. Amsterdam, 1993. P. 205–211.

¹³ Например, *Nörr D. Imperium und Polis in der hohen Prinzipatszeit*. München, 1966. S. 37; *Sartre M. L'Orient romain*. P., 1991. P. 87, 135.

¹⁴ Хотя многочисленность эпиграфических примеров не может служить доказательством существования обязательной нормы, стоит отметить, что ни одного обратного примера – когда бы города взимали новые местные налоги без разрешения римских властей – мне не известно.

¹⁵ ILS. 6092. Ср. пример Истроса, получившего "по милости императора" в начале I в. определенные права в финансовой сфере (*Oliver J.H. Texts A and B of the Horothesia Dossier at Istros // GRBS*. 1965. P. 143–156).

¹⁶ *Robert J. et L. Hellenica VI. Inscriptions grecques de Lydie*. P., 1948. P. 80 suiv. № 26, ll. 8 sqq., с комментарием; о характере этих доходов см. также: *Broughton T.S.R. Roman Landholding in Asia Minor // TAPhA*. 1934. 65. P. 222 f.

¹⁷ *IGBulg.* IV. 2263. ll. 6–8.

¹⁸ CIS. II. III. 3913. Превосходный комментарий и разъяснения: *Seyrig H. Le Statut de Palmyre // Syria*. 1941. 22. P. 155 suiv.; *Pigniol A. Observations sur le tarif de Palmyre // Scripta varia*. III. P. 149 suiv.; *Matthews J.F. The Tax Law of Palmyra // JRS*. 1984. 74. P. 157 ff.

содержит тариф, первоначально установленный для всех товаров, подлежащих обложению пошлиной в Пальмире¹⁹. Второй раздел, как и первый, озаглавлен *lex vestigialis Palmyrena*, но с добавлением рубрики «и источников вод и соли, которые в городе и пределах его, согласно договору, который был заключен пред Марином-префектом»²⁰. Ниже мы обнаруживаем два изменения к существующему тарифу, сопровождаемые общей оговоркой о том, что со всех прочих товаров откупщики должны собирать пошлины по ставкам, написанным выше (в предыдущем разделе). Далее следует подробное изложение правил, касающихся новых пошлин на соль²¹. Заключение нового договора в присутствии наместника Марина, как представляется, было произведено с целью придания законной силы двум изменениям, внесенным в тариф, а также важной новой пошлине на соль. Третий раздел включает в себя эдикт неизвестного наместника Сирии, предваряемый упоминанием о тяжбах между пальмирянами и откупщиками по вопросам выполнения и толкования норм тарифа²². Этот наместник ссылается на решения двух своих предшественников, а именно Статилия, который запрашивал Германика о пошлине с гетер, и Барбара, обращавшегося к Корбулону по поводу ставок пошлин на верблюдов, как навьюченных, так и без поклажи. Оба раза были приняты решения, подтверждавшие предписания первоначального тарифа²³. В иных случаях в эдикте употребляется формула «было решено», возможно, указывающая и на другие решения прежних наместников. Такие решения относятся к пошлине на кедровые орехи, привозимые на продажу, которую следует взимать по той же ставке, какая установлена на сушеные плоды, «как делается в остальных городах»; на зелень и на изображения и статуи из бронзы²⁴. Наконец, этот неизвестный наместник в некоторых случаях подтверждает действующие ставки пошлин или вводит изменения, как в случае с пошлиной на соль²⁵. Итак, нормы, заданные тарифом, не подлежали автономному контролю со стороны местной исполнительной власти Пальмиры. Вместо этого разные римские наместники своими судебными или административными решениями либо подтверждали *status quo*, либо при возникновении спорных ситуаций дорабатывали и изменяли существующие правила; наконец, решение о характере и ставках дополнительно вводимых пошлин в последней инстанции принимал наместник провинции.

Эта процедура получения разрешений от имперского государства и его представителей позволяет вписать в определенный контекст также и другие хорошо известные свидетельства источников. Например, Плиний, обращаясь к Траяну за разрешением на постройку новой бани в Прусе, уверял того, что финансирование будет обеспечено за счет уже существующих источников поступлений. В ответ на запрос Траян дал согласие, постольку поскольку это строительство не ляжет тяжким бременем на ресурсы города, особо подчеркнув: «лишь бы из-за этого не вводилось новых налогов и у граждан Прусы в будущем не оказалось недостатка в средствах на необходимые расходы» (Plin. Ep. X. 23, 24). Сходным же образом, когда город Эноанда в Ликии–Памфилии в 125 г. решил учредить в честь Адриана фестиваль, устраиваемый раз в пять лет, он принял декрет, включающий целый набор предписаний, затрагивающих все стороны организации празднеств. Разрешение наместника провинции потребовалось только для двух из этих распоряжений, в том числе для решения о том, что на время фестиваля должно даваться освобождение от местных

¹⁹ Сткк. 1–93 (греческий текст) и 1–62 (арамейский).

²⁰ См. сткк. 63–65 (арамейский текст). Перевод И.Ш. Шифмана.

²¹ Сткк. 66–73 (арамейский текст).

²² Сткк. 150–237 (греческий текст), 74–149 (арамейский). Сейриг правильно понял, что начальные строки этого документа представляют собой вводную часть эдикта, содержащую обоснование.

²³ Статилий: сткк. 181–185 (греческий текст) и 102–107 (арамейский); Барбар: сткк. 194–197 (греческий текст) и 118–121 (арамейский). Следует отметить, что в этих случаях наместник Сирии докладывал о проблеме высшему начальству – лицам, наделенным чрезвычайными полномочиями на востоке империи.

²⁴ Сткк. 191–193 (греческий текст) и 123–129 (арамейский).

²⁵ Соль: сткк. 130–136 (только арамейский текст).

податей; это решение получило разрешительную санкцию в той мере, в какой не будет нанесен ущерб доходам города²⁶.

Итак, распоряжение Севера и Каракаллы, приведенное в начале этого параграфа, цитировалось не как нововведение; в действительности предписываемая им процедура засвидетельствована и в I и во II веках. Следовательно, наблюдение за фискальной политикой гражданских общин на местах представляет собой ту редкую сферу, где имперское государство стремилось осуществлять нормативный контроль за внутренними делами городов на протяжении всего периода принципата. Найти объяснение этому контролю не составляет большого труда. В деле взимания налогов имперское государство и городские власти на местах по определению оказывались конкурентами в борьбе за скудные ресурсы. Контроль и наблюдение за фискальной политикой городов в сфере местных налогов обеспечивали один из механизмов, с помощью которого империя старалась защищать свои жизненные интересы, изымая в соответствии с заведенным порядком ресурсы, поддерживавшие ее существование.

Контроль за городскими землями. В сочинении об обязанностях куратора города Ульпиан наставлял: «Городские земли не должны находиться во владении частных лиц. Поэтому пусть презид провинции (в том случае), если городские земельные наделы находятся в чьем-либо владении, позаботится о выделении городских земель из (имений) частных лиц, а прежде всего об увеличении городских доходов. Так что если он обнаружит где-либо, что городские участки или здания находятся в (безвозмездном) пользовании частных лиц, пусть рассмотрит, следует ли вытребовать их через суд в пользу города или лучше установить арендную плату (за пользование ими), и примет то решение, которое сочтет более полезным для города»²⁷. Эту рекомендацию также можно рассматривать в контексте практики, существовавшей и прежде, когда наместники провинций, как правило, в ответ на просьбу местных властей, осуществляли контроль за распоряжением и использованием городских земель и доходов с них.

В этой сложившейся практике можно выделить два ряда примеров. Первая группа показывает, как провинциальные наместники решали – обычно в форме судебного разбирательства – вопросы о праве собственности на городские земли. К наместнику обращались за разрешением конфликтов, возникавших или из-за того, что местные городские власти оказывались не в силах осуществить свои законные права, или из-за того, что права эти оспаривались. Самый показательный пример являет подробный отчет о надолго затянувшейся тяжбе в Эзанах, в Азии, в начале правления Адриана²⁸. Конфликт касался земель, которые во II в. до н.э. были подарены царями династии Атталидов храму Зевса в Эзанах и распределены между держателями, обязанными вносить за это плату через храмовую казну в пользу города²⁹. Спор велся по поводу двух вопросов: обязанности держателей вносить арендную плату и размеров первоначальных наделов. В 119/120 г. наместник Меттий Модест, на рассмотрение к которому попало дело, постановил, что за аренду следует платить. Но относительно того, какие именно земли принадлежали клерухам и каков бы первоначальный размер надела, сомнения и разногласия все еще оставались и в 125/126 г.³⁰, когда наместник Азии Тит Авидий Квиет решил обратиться за советом к императору Адриану. В ответном письме Адриан распорядился решить вопрос о среднем размере надела путем сравнения с аналогичными участками в общинах, расположенных по

²⁶ SEG. 38. 1462, особенно сткк. 115 сл.

²⁷ D. 50. 10. 5. 1 (пер. А.Л. Смышляева).

²⁸ МАМА. IX. XXVI–XXVII (документы А, В, С и D). Превосходный разбор см. в работе: Broughton T.R.S. New Evidence on Temple-Estates in Asia-Minor // Studies in Roman Economic and Social History. Princeton, 1951. P. 236 ff.

²⁹ О внесении арендной платы см. док. А, сткк. 13–15; о первоначальном царском подарке см. МАМА. IX. 8–9.

³⁰ Насколько неопределенным было решение Модеста, ясно видно из док. В (сткк. 6–11).

соседству с Эзанами³¹. Хотя размежевание этих спорных земель так и не было завершено к 129 г., Квиет в своем сопроводительном письме к магистратам, совету и народу Эзан особо подчеркивал обоюдную заинтересованность имперского правительства и местных властей: тяжбы породили враждебность и конфликты в Эзанах (А, сткк. 5–9) и позволили некоторым людям лишать город причитавшихся ему доходов (сткк. 13–18) – сложилось положение, которое нельзя более терпеть³². Документ из Македонии, относящийся к концу II в., предоставляет еще одно свидетельство того, с какими именно трудностями могла сталкиваться община при осуществлении своих прав собственности³³. С жалобой обратились местные граждане, арендующие городские земли. Они утверждали, что, хотя некоторые чужаки и приобрели землю честно, другие обманом присвоили ту землю, которой прежде на законном основании владели местные жители. Более того, эти посторонние землевладельцы стали прибегать к силе, чтобы вытеснить более бедных граждан. Поэтому местные власти стремятся восстановить *status quo ante*, основой которого было размежевание городских земель, произведенное Гентианом, одним из предыдущих наместников. Они принимают решение, согласно которому избираемые ежегодно высшие магистраты должны обеспечить, чтобы впредь городские земли больше не продавались и не отдавались в заклад посторонним землевладельцам. Также они направляют копию этого постановления на утверждение действующему наместнику, несомненно, для того, чтобы в своей борьбе за сохранение прав собственности и доходов заручиться поддержкой и авторитетом представителя римского государства³⁴.

Насилие, обман, неразбериха с правами собственности или халатность местных должностных лиц – все это могло привести к потере контроля над городскими землями и вызвать обращение к наместнику провинции в стремлении восстановить *status quo ante*. Хотя в других источниках обстоятельства возникновения спорных ситуаций раскрываются менее полно, ясно, что типичным правовым механизмом разрешения таких конфликтов было использование властных полномочий наместника. Например, когда в 27 г. до н.э. Август и Агриппа после разгула беззакония в период гражданских войн издали постановление о восстановлении прав на городские и храмовые земли, оказавшиеся в руках частных лиц, гражданин города Кимы в Азии обратился к проконсулу с целью добиться возвращения для отправления культа святилища, находившегося в тот момент в частном владении³⁵. Другому наместнику, проконсулу Кипра во времена Августа, были оказаны почести гражданами Коса, поскольку он вернул принадлежавшие им на Кипре общественные и храмовые земли³⁶. В североафриканском городе Лептис Магна в 35/36 г. проконсул и один из его легатов организовали мощение улиц за счет доходов, образовавшихся при возвращении городских земель³⁷. В 63 г. проконсул Крита и Киренаики по поручению императора «восстановил и провел размежевание» городских земель Гортины, которые были заняты частными гражданами³⁸. В 77 г. во исполнение решения императора Веспасиана проконсул Нарбонской провинции организовал возвращение городу Араузиону (совр. Оранж) земель, которыми не один год владели *privati*. В результате этой операции на

³¹ В док. В приводится копия ответа Адриана Квиету.

³² Об окончательном размежевании см. МАМА. IX. 8–9.

³³ JHS. 1913. P. 337. № 17.

³⁴ Ibid. сткк. 5–10 (незаконное присвоение); сткк. 11–15 (применение силы); сткк. 17–23 (решение Гентиана); сткк. 23–29 (ежегодно избираемые магистраты); сткк. 30–34 (утверждение). Гентиан – вероятно, censitor Македонии в 119/120 г.

³⁵ *Sherk R.K. Roman Documents from the Greek East*. Baltimore, 1969. № 61, сткк. 1–11 (указ Агриппы и Августа) и сткк. 12 слл. (письмо наместника с распоряжением о восстановлении).

³⁶ АЕ. 1934. № 86.

³⁷ *Reynolds J.M., Ward-Perkins J.B. The Inscriptions of Roman Tripolitania*. Rome, 1952. № 330, 331.

³⁸ I. Cret. I. 26. № 2. Ср. I. Cret. I. 8. № 49 (Кносс), где Нерону приписывается заслуга возвращения (через прокуратора) пяти югеров первоначально пожалованной Августом земли, права на которую позднее подтвердил Клавдий.

всеобщее обозрение был выставлен выполненный в камне полный кадастр принадлежащей городу территории с указанием ставок ежегодной арендной платы с каждой центурии³⁹. В 88/89 г. в Киренаике проконсул, опять-таки по поручению императора, возвратил участок земли, оказавшийся во владении частных лиц, городу Птолемаиде⁴⁰.

Примеры, составляющие вторую, меньшую группу, демонстрируют, как наместники занимались скорее не возвращением городских земель, а организацией сдачи их в аренду и получения соответствующих платежей. Эта административная процедура обычно находилась в компетенции городских магистратов, представляя собой одну из присущих им функций. Около 73–75 гг. в Киренаике проконсул, также по поручению императора, занимался размежеванием городских земель в Аполлонии и сдачей участков в бессрочную аренду частному лицу⁴¹. Больше деталей содержится в эдикте из Фисбы в Ахайе⁴². В данном случае проконсул устраивает передачу городской земли гражданам Фисбы отдельными участками при условии внесения в городскую казну ежегодной арендной платы. Однако в течение первых лет после приобретения за аренду платить не нужно. Он постановляет, что за осуществление правил, предписывающих, как и сколько земли должны возделывать новые держатели, и запрещающих незаконное присвоение ими земли сверх полученных наделов, впредь должны отвечать местные должностные лица. На них же возлагается персональная ответственность за сбор будущих арендных платежей. Итак, представитель императорской власти принимает далеко идущие решения, касающиеся финансов провинциальной городской общины; после этого ответственность за проведение этих решений в жизнь ложится на представителей системы местного самоуправления.

Хотя упомянутые в этой части статьи примеры содержат недостаточно деталей для того, чтобы мы могли понять, каким именно образом в каждом из этих случаев в дело оказывался вовлечен наместник провинции, их вполне хватает, чтобы показать, что на протяжении I и II веков наместники могли по своему усмотрению следить за распределением и использованием городских общественных земель и получаемых с них доходов. На этом фоне процитированная рекомендация Ульпиана (D. 50. 10. 5. 1) без труда может быть истолкована как правило, основанное на обобщении сложившейся практики и имеющее целью предупредить наместника провинции о том, с чем он может столкнуться, и показать, как при этом следует поступать. Однако совет Ульпиана не содержит предписания наместнику выполнять новые задачи или осуществлять повседневный нормативный надзор за состоянием городских земель во всех городах вверенной ему провинции, что в любом случае было бы за пределами его возможностей.

Замещение должностей в городском самоуправлении. При обращении к последней из намеченных нами тем – замещению должностей – вполне уместны соображения, почти совпадающие с изложенными в предыдущем параграфе⁴³. В середине III в. наместникам провинций было рекомендовано «заботиться о том, чтобы повинности и почетные должности в городах распределялись справедливо и по очереди в соответствии с возрастом и рангом, согласно давно установленному порядку в отношении

³⁹ Piganiol A. Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange. P., 1962. P. 79–89.

⁴⁰ АЕ. 1954. № 188. Причины и обстоятельства участия императора в разрешении ситуаций, упомянутых в прим. 38–40, не указаны.

⁴¹ АЕ. 1967. № 531. Обстоятельства этих действий также неизвестны; возможно, в результате потрясений 68–69 гг. права собственности оказались нарушены, и проконсул, срок пребывания которого в должности длился два года, получил от Веспасиана особое поручение позаботиться о наведении порядка в этом деле.

⁴² Syll. 884 (дата не известна).

⁴³ Хорошее и современное изложение этой темы см. в следующих работах: Jacques. Op. cit. (гл. 8–12); Garnsey P.D. Aspects of the Decline of the Urban Aristocracy in the Empire // ANRW. II. 1. B.–N.Y., 1974. P. 229–252; Wörle M. Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien. München, 1988 (гл. 5); Duncan-Jones R. Structure and Scale in the Roman Economy. Cambr., 1990 (гл. 10).

повинностей и почетных должностей; дабы города не лишались ни людей, ни ресурсов из-за того, что одни и те же лица обременяются часто и без разбора»⁴⁴. Это широкое всеохватное определение обязанностей наместника на деле представляет собой, как я покажу, осмысление вполне сложившейся уже в I и II вв. практики обращаться к наместнику провинции в спорных случаях, возникающих при замещении должностей. Для удобства рассмотрения в этой практике можно выделить две категории. Во-первых, так или иначе имперское государство издавало посвященные замещению должностей в городском самоуправлении нормативные акты, действие которых либо распространялось на всю империю, либо касалось отдельно взятой провинции. По определению, разрешение возникавших впоследствии спорных ситуаций и внесение изменений в установленные правила в провинциях законно могли проводиться только наместником, действовал ли он самостоятельно или предварительно посоветовавшись с императором. Во-вторых, почву для споров потенциально могли создавать и местные нормы, регулировавшие занятие должностей в каждом провинциальном городе. Обиженная сторона, в особенности если она обладала политическим влиянием и высоким социальным статусом, всегда могла попытаться добиться от наместника провинции вмешательства, обеспечивающего перевес сил.

А. Конфликты и проблемы, порожденные имперским законодательством. Примеры того, какого рода проблемы могли возникать, предоставляют история наместничества Плиния в провинции Вифиния–Понт. Они особенно показательны, ибо дают представление о подоплеке и обстоятельствах событий, чего нам часто недостает в эпиграфических и юридических источниках. В Вифинии в соответствии с *lex provinciae* первоначально было установлено, что никто моложе тридцати лет не мог ни занимать магистратуру, ни быть членом городского сената. Эта норма позже была изменена эдиктом Августа, разрешившего занимать младшие магистратуры начиная с двадцати двух лет. В первые годы II в. цензоры городов были обеспокоены тем, законна ли сложившаяся практика включать в состав городского сената бывших магистратов, еще не достигших тридцатилетнего возраста; к тому же цензоры, как только в возрастных ограничениях была пробита брешь, предпочли кооптировать в советы городов молодых людей в возрасте от 22 до 30 лет, которые были детьми «почтенных» (*honesti*), нежели пополнять курии людьми более старшего возраста «из плебеев» (*e plebe*). Поэтому за окончательным решением они обратились к Плинию. Тот выразил сомнение в законности второго из указанных путей и написал Траяну, который согласился с его толкованием: никто моложе тридцати лет не может быть введен в совет, если не занимал прежде должность⁴⁵. Очень близкую аналогию этому знаменитому примеру можно теперь обнаружить в подробнейших распоряжениях, касающихся учреждения в 125 г. в Эноанде (Ликия–Памфилия) нового праздника, устраиваемого каждые пять лет. В частности было решено: кто берет на себя роль председателя праздника, тот удостоивается освобождения на пять лет от исполнения прочих должностей. В соответствии с первоначальными предписаниями *lex provinciae* такая привилегия уже имела у других престижных магистратур. Поэтому совет и народ Эноанды направляет наместнику провинции письмо с просьбой утвердить это дополнение; в письме отмечается, что предыдущие наместники своими «эдиктами» уже предоставляли подобные освобождения другим вновь учреждаемым магистратурам⁴⁶.

⁴⁴ *Praeses provinciae provideat munera et honores in civitatibus aequaliter per vices secundum aetates et dignitates, ut gradus munerum honorumque qui antiquitus statuti sunt, iniungi. ne sine discrimine et frequenter isdem oppressis simul viris et viribus res publicae destituantur* (D. 50. 4. 3. 15 = *Ulp.* 2 opin.). «Opiniones» не принадлежат к числу подлинных сочинений Ульпиана, дата его составления (середина – вторая половина III в. или даже начало IV в.) вызывает споры; изложение дискуссии и библиографию см. в кн.: *Honoré T. Ulpian Oxf.*, 1982. P. 120–128.

⁴⁵ *Plin.* Ep. X. 79, 80.

⁴⁶ SEG. 38. 1462; *Wörle.* Op. cit. S. 93–97 (комментарий).

Оба приведенных примера связаны с толкованием и/или внесением изменений в установленные имперским государством правила, касающиеся замещения и исполнения должностей в городах каждой отдельной провинции. Кроме того, в источниках нашел освещение еще один круг проблем, возникавших при истолковании этих правил. Речь идет о действовавших во всей империи привилегиях, предоставлявшихся отдельным социальным или профессиональным группам (например, врачам), с одной стороны, и ветеранам и различным объединениям и союзам, с другой. Рассмотрим их поочередно.

Врачи, учителя, философы и другие профессиональные группы, так же как и некоторые отдельные лица, в период принципата получали значительные привилегии, в той или иной степени освобождавшие их от несения обязанностей как местного, городского, так и общеимперского характера⁴⁷. Август даровал налоговый иммунитет врачам, а в 75 г. Веспасиан добавил освобождение от обязанности принимать на постой проезжающих солдат и должностных лиц. За нарушение этих привилегий были введены строгие санкции⁴⁸. Добивались ли какие-то группы освобождения от литургий и должностей в I в., просто не известно, но еще до времени правления Адриана «философы, риторы, грамматики и врачи были освобождены от занятия должностей гимнасиарха, агораномы, от жреческих должностей, от постоя, от приобретения зерна или масла, от обязанностей выступать судьей, участвовать в посылке, от набора против воли в войско и от выполнения иной повинности провинциального или любого другого рода (μητέ τις ἄλλην αὐτοῦς ὑπηρεσίαν ἐθνικὴν ἢ τινα ἄλλην ἀναγκάζεσθαι)»⁴⁹. Адриан при вступлении на престол подтвердил эти права. Во II в. происходил процесс урезания и уточнения столь широких привилегий. Антонин Пий в письме к провинциальному собранию Азии установил максимальное число свободных от повинностей врачей, софистов и т.д., которое разрешалось иметь в каждом городе в зависимости от его размеров, и заметил, что в действительности это число может быть меньшим, поскольку это делается ради выполнения городских литургий. Представители свободных профессий должны будут пользоваться освобождением от повинностей не иначе, как при условии, что они решением совета включены в официальный список и добросовестно исполняют свою работу⁵⁰. Правда, привилегии философов в том, что касалось городских повинностей, Антонин Пий сделал почти бесполезными, на том основании, что богатые философы-де охотно окажут финансовую помощь родному городу. Если же они станут мелочиться и заведут речь о своей собственности, то сразу станет ясно, что никакие они не философы (D. 27. 1. 6. 7). В этих правилах, позже подтвержденных Септимием Севером и Каракаллой, содержалась одна оговорка: сверх установленного для города максимального числа лиц свободных профессий освобождение от литургий могли получать люди, обладающие исключительными знаниями (D. 27. 1. 6. 10). Вероятно, добиться его можно было только у представителей центральной власти.

Колебания и изменения в этих правилах были вызваны конфликтом интересов городских властей и отдельных членов профессиональных групп. Раз за разом столкновение их интересов вовлекало наместника провинции в разрешение возникавших на местах споров. Что это были за конфликты и сколь долго они могли продолжаться, хорошо иллюстрируют известные в деталях обстоятельства борьбы за полное освобождение от городских повинностей, которую ритор II в. Элий Аристид вел, опираясь на поддержку римских должностных лиц. Аристид родился в маленьком городке Адрианы в Мисии (провинция Азия), но местом жительства избрал большой

⁴⁷ Об освобождении привилегированных групп от обязанностей см. особенно: Bowersock G.W. *Greek Sophists in the Roman Empire*. Oxf., 1969. P. 32–34; Millar F. *Empire and City, Augustus to Julian: Obligations, Excuses and Status* // JRS. 1983. 73. P. 76–96.

⁴⁸ *Dio Cass.* 53. 30. 3 (Август); *Oliver J.H.* *Greek Constitutions of Early Roman Emperors from Inscriptions and Papyri*. Philadelphia, 1989. № 38 (Веспасиан).

⁴⁹ D. 27. 1. 6. 8. Нужно заметить, что в этот список не включено освобождение от уплаты налогов.

⁵⁰ D. 27. 1. 6. 2–4. Города могли также и вычеркивать отдельных лиц из этих списков.

город Смирну. Первое известное нам столкновение с местными властями Смирны произошло у него в конце 40-х годов II в., когда те решили выдвинуть его кандидатуру на должность жреца провинции Азии⁵¹. Аристид пытался уклониться, но на состоявшемся позже провинциальном собрании представители Смирны все же предложили именно его. Он подал апелляцию, и ему было велено явиться на суд наместника в Пергам. Наместник поддержал жалобу Аристида и на определенный срок освободил его от всех повинностей⁵². Спустя несколько лет совет Смирны попытался назначить его на должность сборщика податей. Тот снова призвал на помощь римские власти, но на сей раз легат наместника в ходе судебного заседания в Филадельфии подтвердил его назначение. Реакция Аристида была бурной; он и апеллировал к императору в Риме, и слал через представителей письма легату и наместнику Титу Витразию Поллиону. На последнего эти послания подействовали настолько, что он повелел своему легату вновь собрать суд, несмотря на судебные каникулы, и пересмотреть его решение. Новый вердикт был немедленно отправлен в Смирну, где совет, словно что-то предчувствуя, освободил Аристида от должности (Aristid. Or. 50. 94–99 K).

Несмотря на одержанные успехи, Аристид все же не добился своего включения в официальные списки пользовавшихся иммунитетом риторов ни в Адрианах, ни в Смирне. В связи с наступлением нового года и появлением нового наместника, Гая Юлия Севера, обоснованность его претензий должна была подвергнуться строжайшей проверке. Вскоре Север получил из Адриана список из десяти имен, из которых ему надлежало выбрать ириарха для этого города и его территории. Он решил проигнорировать поименованных в списке и вместо этого назначить Аристида из-за его известности. Аристид обжаловал это решение, а тем временем от императора пришли ответы на прошлогодние письма: ритору гарантировался иммунитет, коль скоро он будет выступать с речами и обучать риторике. На состоявшемся в Эфесе рассмотрении апелляции его адвокаты предъявили ответы императора, а также рекомендательные письма от префекта Египта. Север признал весомость таких свидетельств. Он согласился, что Аристид первенствует в риторике, подтвердил в принципе его иммунитет, но все же попросил его в порядке одолжения принять на себя обязанности ириарха (Or. 50. 72–79 K). Аристид остался недоволен столь неопределенным решением и устроил встречу с Луцием Куспием Пактумеем Руфином, богатым консуляром и своим старым другом. Затем, вооружившись рекомендательным письмом от Руфина, он отправился в Смирну, где Север ожидал ежегодного праздника Диониса. С помощью одного из легатов наместника Аристид добился частной встречи с Севером и предъявил ему новые письма. Тот остался непреклонным и отвечал, что одно дело – быть первым среди греков в риторике, но совсем другое – заниматься ею и иметь учеников. Поэтому он направил Аристида в совет Смирны «убеждать граждан», видимо, в том, чтобы они внесли его в официальный список риторов, освобождаемых от повинностей (Or. 50. 83–87 K). Однако еще до того, как Аристид смог обратиться к совету, возникли новые осложнения, поскольку одна из группировок в совете попыталась избрать его председателем (пританом). Развязка этой запутанной истории произошла в Пергаме, куда направился Север для проведения следующей судебной сессии. После долгой речи Аристида Север наконец-то согласился и официально подтвердил его иммунитет без всяких оговорок. Это решение и почетное письмо в поддержку Аристида были доведены до сведения совета Смирны (Or. 50. 88–94 K).

⁵¹ Aristid. Or. 50. 100–104 K. Подробное изложение биографии Аристида см. в кн.: Behr C.A. Aelius Aristides and the Sacred Tales. Amsterdam, 1968 (хотя предложенная в ней точная хронология представляется не всегда убедительной).

⁵² В данном случае остается неясным, на каком основании Аристид получил освобождение от повинностей, хотя это могло быть связано с его нездоровьем. О праве оспаривать избрание на должность провинциального жреца см. OGIS. 458, сткк. 78–84 (датируется временем Августа).

В этом необычайно подробном повествовании особенно выпукло выделяются два момента. Во-первых, римские власти не были расположены благосклонно взирать на любого члена профессиональной группы, стремившегося добиться иммунитета, если он не занимался активно преподаванием и не был должным образом внесен в городской список, даже если человек, подобный Аристиду, имел право надеяться на освобождение от повинностей на том основании, что он обладает исключительными знаниями. Во-вторых, предоставление безусловного и безоговорочного иммунитета всегда могло быть оспорено и стать предметом разбирательства перед римскими властями. Такая община, как Смирна, обеспокоенная тем, как бы вытянуть средства у богатых и добившихся успеха людей, могла упорно преследовать свои интересы, не взвизывая ни на какие ранее принятые решения. Это была принятая практика, так как, по словам авторитетного юриста, «те, кто пользуются каким-нибудь освобождением (от должности), вынуждены подавать апелляции столько раз, сколько их изберут, хотя они были освобождены еще раньше»⁵³. Как знать, возможно, в сходных обстоятельствах оказался спустя около пятидесяти лет в Смирне софист Клавдий Руфин. Он обладал иммунитетом, но, уступая давлению, добровольно исполнял должность стратега. Он счел необходимым написать Септимию Северу и Каракалле, которые в ответ направили в Смирну письмо, чтобы подтвердить законность его иммунитета и предотвратить использование его добровольного поступка в качестве прецедента против него самого⁵⁴.

Эти споры по поводу назначения на местные должности, затрагивавшие членов профессиональных групп, принадлежавших к элите, имеют для нас особое значение, так как благодаря богатству и влиятельности у таких людей было больше возможностей пробиться к представителям римских властей. Однако, *mutatis mutandis*, законодательные распоряжения, которые предоставляли всякого рода освобождения от повинностей ветеранам и некоторым привилегированным корпорациям, оказывавшим важные услуги городам или империи, например, судовладельцам (участвовавшим в транспортировке анноны) или плотникам, также оспаривались и, следовательно, давали повод для судебных разбирательств и решений⁵⁵. Эти правила также обрастали многочисленными дополнениями и поправками, главной целью которых было предотвращение злоупотреблений просьбами о предоставлении освобождений. Например, Адриан постановил, что претензия навикуляриев на освобождение от *munera publica* в родных городах оправдывалась прежде всего их ролью в снабжении Рима продовольствием. Он также попытался лишить иммунитета тех, кто вкладывал в морскую торговлю лишь небольшую часть своих денег, как и тех, кто несмотря на получение значительной прибыли не расширял торговлю (D. 50. 6. 6(5). 3, 8). Подобным же образом Антонин Пий распорядился, что всякий раз, когда проводится следствие по делу навикулярия, необходимо выяснять, не принял ли он обличье торговца лишь ради уклонения от *munera* (D. 50. 6. 6(5). 9). Аналогичные нормы действовали и в тех случаях, когда на иммунитет претендовали граждане городов, вхо-

⁵³ Qui excusatione aliqua utuntur, quotienscumque creati fuerint, etsi iam ante absoluti sunt, necesse habent appellare (D. 50. 5. 1. 1 = *Ulp.* 2 opin); действительно, последнее, что мы слышим о жалобах Аристиды, – это его обращение за подтверждением иммунитета к преемнику Севера на посту наместника.

⁵⁴ IGRR. IV. 1402. Другие примеры споров между софистами и местными городскими властями приводит Г. Бауэрсок (Op. cit. P. 35 f., 40 f.), хотя по ним судебные решения принимались императором, а не наместником.

⁵⁵ См. D. 50. 6. 6(5). 12: quibusdam collegiis vel corporibus, quibus ius coeundi lege permissum est, immunitas tribuitur: scilicet eis collegiis vel corporibus, in quibus artificii sui causa unusquisque adsumitur, ut fabrorum corpus est et si qua eandem rationem originis habent, id est idcirco instituta sunt, ut necessariam operam publicis utilitatibus exhiberent. («Иммунитет предоставляется некоторым коллегиям или корпорациям, коим законом дано право объединяться: разумеется, тем коллегиям или корпорациям, в которые каждый принимается ради своего занятия, например, корпорация плотников или какие-нибудь другие, которые образовались по этой же причине, то есть учреждены для выполнения работы, необходимой для общей пользы»). О ветеранах см.: Sander E. Das Recht des römischen Soldaten // Rh.M. 1958. 101. S. 203 ff; Jacques. Op. cit. P. 618 suiv.

дившие не только в профессиональные корпорации, но и в прочие коллегии⁵⁶. Проблемы, которые, пусть и без подробностей, рассматривались в сочинениях юристов, на практике иллюстрирует надпись из Сольвы в Норике. Спор о характере и правовой базе освобождений, на которые претендовали члены коллегии центонариев, поступил на рассмотрение наместника Норика, а тот обратился за советом к императорам Септимию Северу и Каракалле. Они ответили, что привилегии (*beneficia*), которые были дарованы центонариям по поручению сената или некоторых императоров, не должны поспешно отбираться. Поэтому пусть то, что было установлено законом, соблюдается, а те, кто просят об освобождении, пусть получают возможность пользоваться своим богатством, не беспокоясь о том, что их заставят нести городские повинности. Но нельзя допускать, чтобы привилегии корпораций были источником выгоды для тех, кто не занимается торговлей либо обладает средствами сверх установленного предела. Против таких людей надо применять правовые средства, но численность коллегии не должна из-за них сокращаться. Всем остальным центонариям нужно разрешить пользоваться их иммунитетом, каковое право не подобает исключать из числа привилегий корпораций⁵⁷.

Итак, всякий раз, когда возникали споры по поводу применения и толкования норм, принятых центральной властью по вопросам замещения должностей в городах и выполнения соответствующих обязанностей, а также освобождения от всего этого, обычным путем правового разрешения таких конфликтов было обращение к власти наместника провинции, хотя какая-то часть подобных дел выносилась и на суд императора⁵⁸.

Б. Споры и проблемы, возникавшие на почве местных норм. Запутанные местные нормы, зачастую отличавшиеся от города к городу, касались возрастного и имущественного ценза для соискания магистратур, правильной очередности их замещения, а также условий, при которых допускалось повторное отправление должности. Примеры проблем, которые могли возникать и требовать своего разрешения, упоминаются в рескрипте Марка Аврелия и Луция Вера, адресованном наместнику Рутилию Лупу: «Правило, которое предписывает, чтобы каждый получал магистратуру в зависимости от того, когда он был назначен декурионом, следует соблюдать лишь в тех случаях, когда все, к кому оно относится, являются людьми надежными и обеспеченными. Но если (среди декурионов) имеются люди настолько бедные и нуждающиеся, что они не только не способны занимать общественные должности, но и сами едва могут прокормиться, то поручать им должности и бесполезно, и совершенно недостойно, в особенности, когда есть те, кто может быть избран (на должности) в соответствии с этим правилом, с их состоянием и общественным достоинством. Итак, пусть богачи знают, что они не должны использовать этот закон как предлог (для уклонения от магистратур) и что необходимо выяснить время приема в курию только тех лиц, состояние которых позволяет им достойно занимать почетные должности»⁵⁹.

В этом рескрипте рассматривается ситуация, когда богатые декурионы пытались манипулировать местными правилами замещения должностей для того, чтобы перекладывать обязанности на декурионов, уже не способных их исполнять. Отсутствие подходящих кандидатов было часто встречавшимся явлением. Еще раньше Адриан подтвердил, что если других подходящих кандидатов на должность нет, можно назначать тех, кто ее уже исполнял. Отвечая городу Клазомены в Азии, он писал также,

⁵⁶ D. 50. 6. 6(5). 12–13. Этот отрывок показывает, что соответствующие нормы нуждались в частом подтверждении и уточнении.

⁵⁷ *Weber E. Die römischen Inschriften der Steiermark. Graz, 1969. № 149 (текст и комментарий).*

⁵⁸ Вполне возможно, что многие изменения, которые вносились в эти нормы императорской властью, появились как ответ на конкретные проблемы и спорные ситуации, возникавшие в провинциальном контексте.

⁵⁹ D. 50. 4. 6 pr. (пер. А.Л. Смышляева). О финансовых затруднениях, с которыми могли сталкиваться декурионы, см. *Garnsey. Op. cit. P. 234–241.*

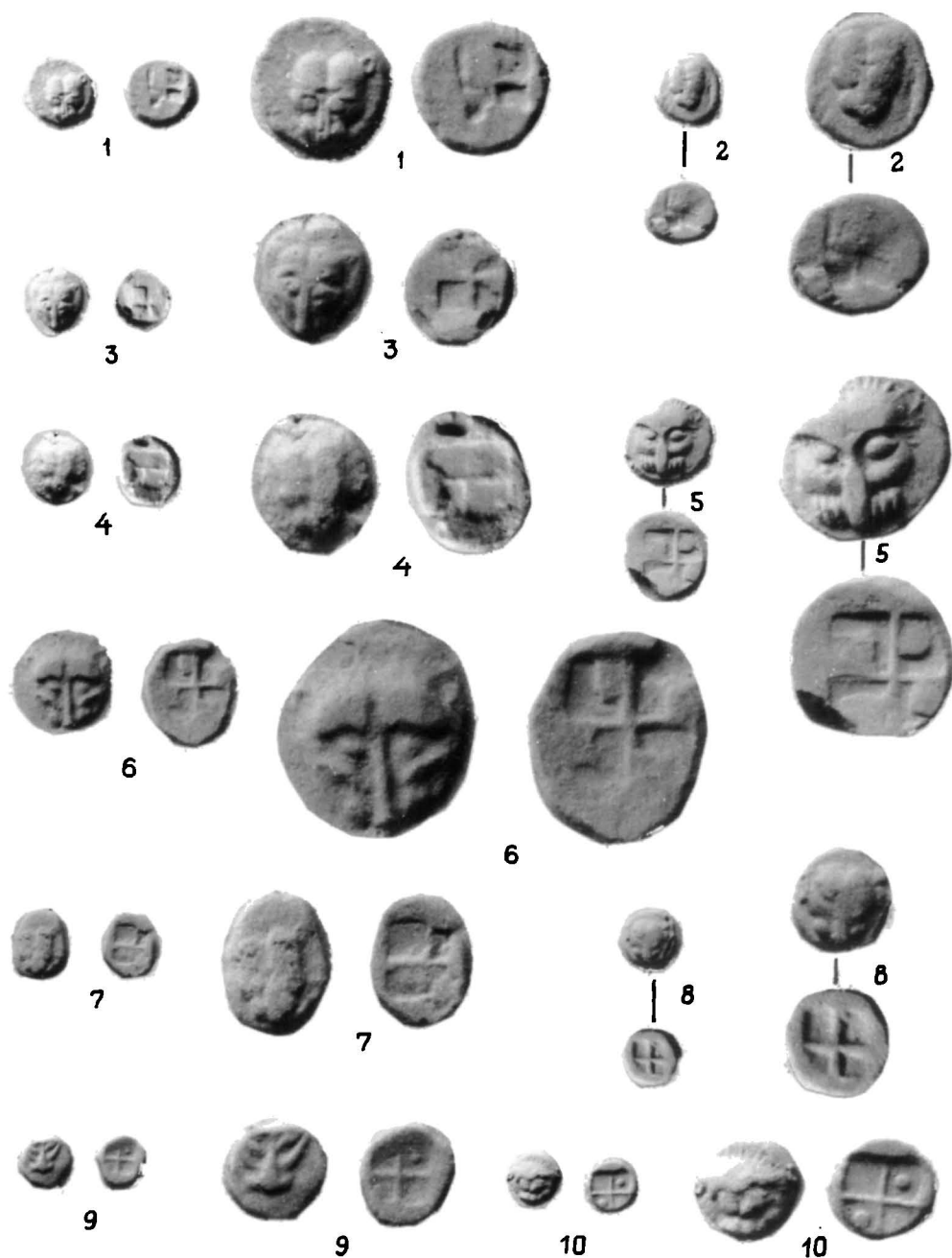

Табл. I. Таманский клад серебряных монет VI–IV вв. до н.э.

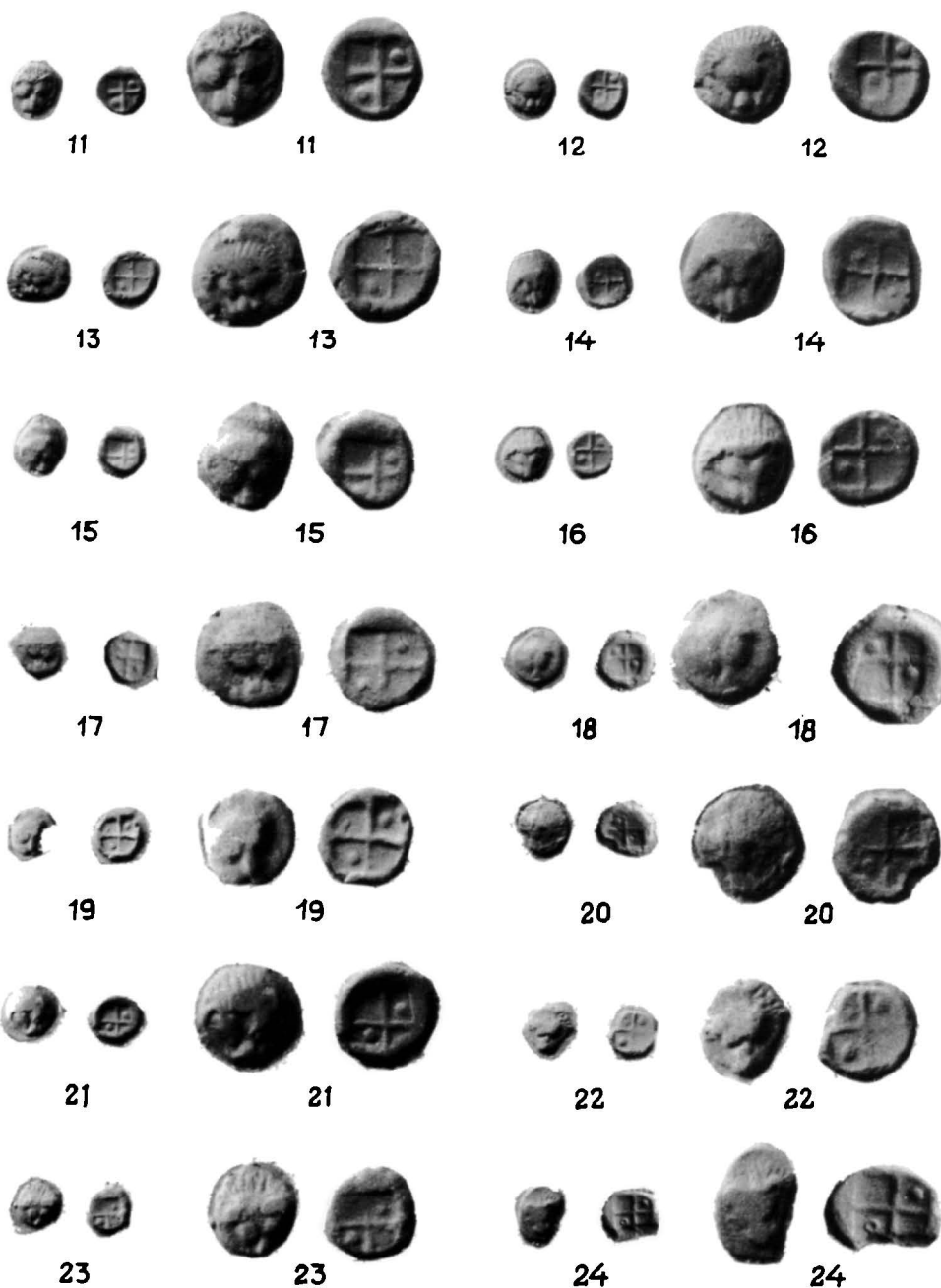

Табл. II. Таманский клад серебряных монет VI–IV вв. до н.э.

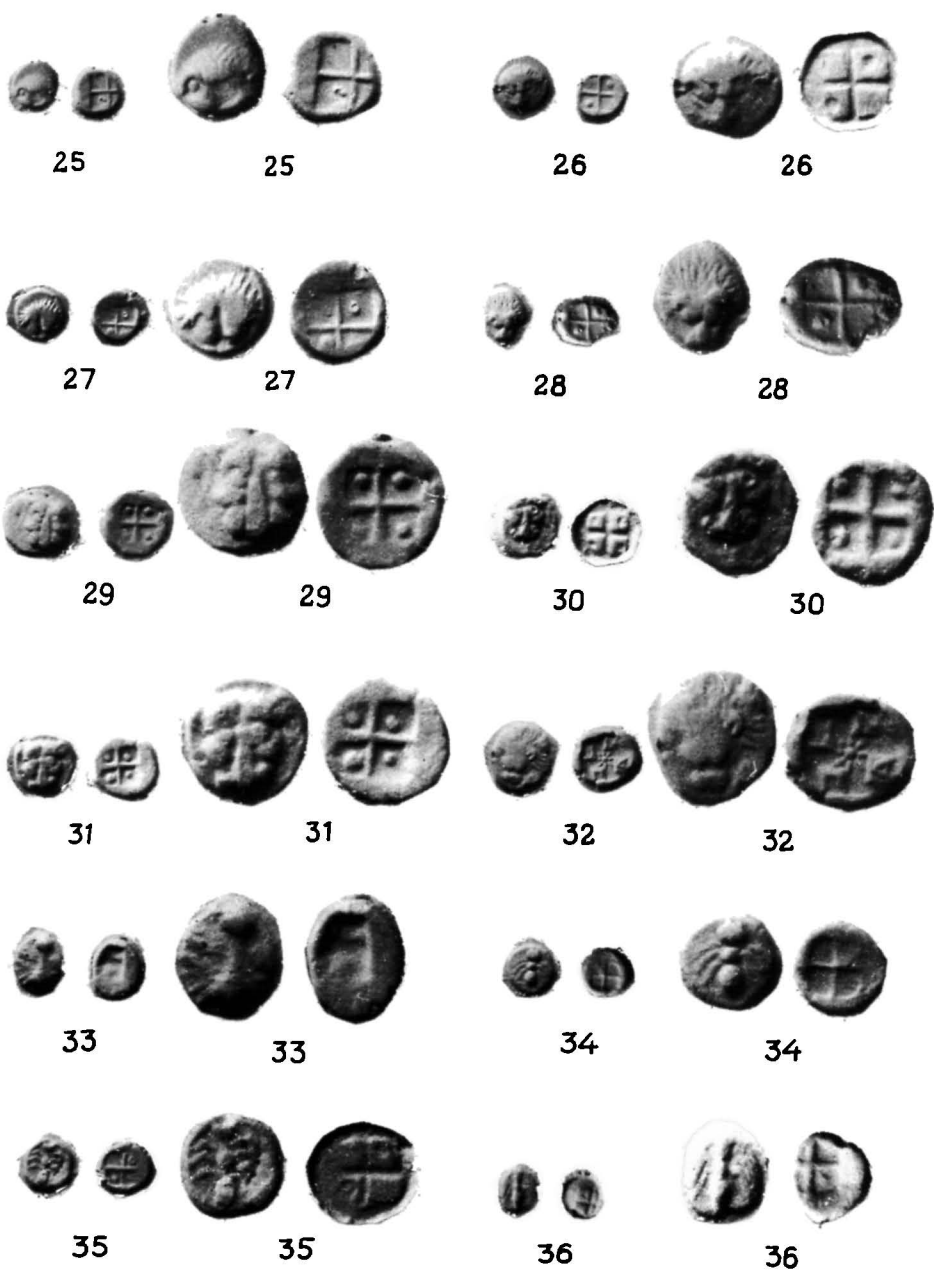

Табл. III. Таманский клад серебряных монет VI–IV вв. до н.э.

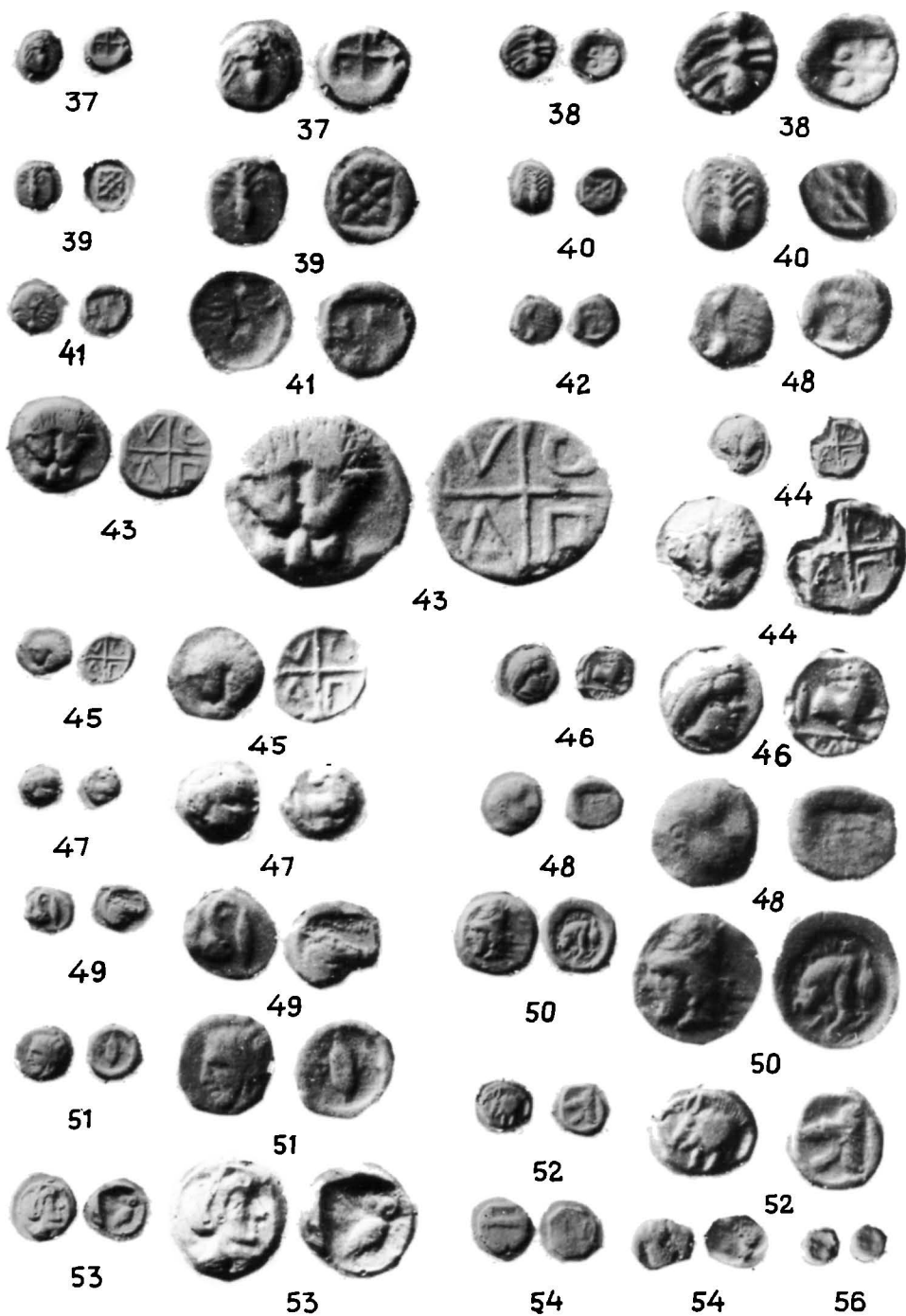

Табл. IV. Таманский клад серебряных монет VI–IV вв. до н.э.

что установленный порядок участия членов городского совета в посольствах в зависимости от давности приема в курию может не соблюдаться, если в посольство из-за особой важности стоящих перед ним задач требуется включить самых влиятельных (*de primoribus viris*), но более молодых людей⁶⁰. В условиях, когда местные нормы вступали в противоречие с местными интересами, отдельные лица в споре со своим городом могли обращаться к наместнику провинции, который в свою очередь нередко спрашивал совета у императора, направляя ему письмо. Так, Антонин Пий отвечал проконсулу Африки, что следует соблюдать законы каждого отдельного города, вынося решение, может ли возраст считаться законным основанием для освобождения от повинностей (D. 50. 6. 6(5). 1); позже другой наместник не был уверен, уместно ли допускать должников города к занятию почетных должностей, и просил совета у Марка Аврелия и Луция Вера⁶¹. Этих же императоров наместник Вифинии–Понта спрашивал о том, могут ли вступать в сословие декурионов незаконнорожденные⁶². Нехватка (*penuria*) подходящих кандидатов была постоянно действующим фактором, который мог сводить на нет предоставлявшиеся по каким-то основаниям освобождения от повинностей⁶³. Однако наместник Киликии Квинт Венидий Руф получил предупреждение, что даже при таком состоянии дел несовершеннолетних (*impuberes*) не следует допускать к занятию почетных должностей⁶⁴.

Те, у кого возникали разногласия с местными городами по поводу занятия должностей, взывали к судебному решению наместника, так как он был высшим представителем законной власти в провинции. Определить, насколько частой была такая практика в I в., не представляется возможным, ибо в том, что касается знания фактов, мы очень зависим от материала, собранного юристами конца II–III вв., которые не цитируют вообще ни одного императорского рескрипта, адресованного наместнику провинции ранее времени правления Траяна. И все же с известной степенью уверенности мы можем сделать вывод, что в течение II в. эта практика стала довольно распространенной, коль скоро юрист Каллистрат ввел в написанный им трактат о разных видах судебных разбирательств немало деталей, относящихся к рассмотрению апелляций по поводу назначения на городские должности⁶⁵. В свою очередь императорский эдикт, изданный примерно на рубеже II и III вв. и посвященный главным образом праву обжалования решений по гражданским и уголовным делам, включал специальный раздел об апелляциях по поводу избрания на должности магистратов, жрецов и др.⁶⁶.

Несмотря на то, что провинциальные города, как правило, и в теории, и на практике отвечали за замещение должностей в местном самоуправлении и распределение повинностей, нередко возникали споры между отдельными провинциалами и их городами. Такие конфликты, вписывавшиеся в контекст разнообразных претензий на освобождение от общественных повинностей, которые предусматривались местными законами и императорскими постановлениями, нередко выносились на суд наместника, а тот в свою очередь часто спрашивал совета у императора. Именно так, на основе информации о роли наместников в апелляционном производстве и относящейся к этим вопросам переписки между императорами и наместниками юристы III в. и сформулировали в качестве одной из обязанностей добросовестного наместника

⁶⁰ D. 50. 4. 14. 6; 50. 7. 5 (4). 5.

⁶¹ D. 50. 4. 6. 1 (рескрипт божественных братьев Алфидию Геренниану, будущему консулу 171 г.).

⁶² D. 50. 2. 3. 2; ср. 50. 2. 6 pr.

⁶³ D. 50. 4. 11. 2 (рескрипт Марка Аврелия и Луция Вера); ср. D. 50. 6. 6 (5) pr.

⁶⁴ D. 50. 6. 3 (возможно, рескрипт Септимия Севера).

⁶⁵ См. первую книгу сочинения Каллистрата «*De cognitionibus*» (*Palingenesia iuris civilis* / Ed. O. Lenel. V. I. Col. 81–89, особ. 82–84); эта работа была написана во время совместного правления Септимия Севера и Каракаллы.

⁶⁶ FIRA. I. № 91, col. 2, II. 13 sqq. О датировке см.: Schiller A.A. The First Edict of B.G.U. 2. Recto // The Classical Tradition: Literary and Historical Studies in Honour of Harry Caplan. 1966. P. 293 ff.

задачу заботиться о справедливом распределении почетных должностей и повинностей в городах в соответствии с возрастом и рангом⁶⁷.

Заключение. Я сосредоточился на рассмотрении трех важнейших аспектов общественно-политической жизни городов империи. Как поддержание местных финансов (с помощью местных налогов и доходов с городских земель), так и распределение почетных должностей и повинностей играли ключевую роль в заведенном распорядке повседневной жизни провинциальных городов как центров политической власти на местах. Делая логические выводы из сохранившихся данных источников, я старался показать, что характер политических взаимоотношений между центральной властью и провинциальными городами в период Северов существенно не изменился. Рекомендации общего характера, которые давали наместникам провинции юристы, лучше интерпретировать как формулировку принципов давно сложившейся практики, а не как претензию на усиление контроля. Учитывая, что источники сохранились неполно и распределены во времени и пространстве случайно и неравномерно, аргументы логического характера всегда шатки по определению. Тем не менее, дедуктивно мои заключения подкрепляются тем уже упоминавшимся во вводной части фактом, что в эпоху Северов центральная власть не создала по существу никаких новых должностей и функций, которые давали бы возможность усилить нормативный контроль за текущими политическими и административными делами в провинциальных городах. Итак, нет достаточных оснований полагать, что в отношениях между имперским государством и провинциальными городами время правления династии Северов ознаменовалось решительным отходом от сложившейся практики или явным сдвигом в сторону большей централизации власти*.

Г.П. Бартон

WAS THERE A LONG-TERM TREND TO CENTRALISATION
OF AUTHORITY IN THE ROMAN EMPIRE?

G.P. Burton

This article examines the extent to which the imperial state attempted to exercise increased central control over the administrative and political affairs of the cities of the provinces of the empire during the period Augustus down to AD 235. After a brief examination of the general character of provincial administration and of certain evidentiary problems, it concentrates on analysis of three key aspects of civic political life, namely the raising of new local taxes, the control and exploitation of public land and the allocation of local office. On the basis of this analysis the author argues that there is no good reason to believe that increased control occurred; rather this period was characterised above all by continuity of administrative practice.

⁶⁷ D. 50. 4. 3. 15 (см. выше прим. 44).

* Перевод Е.В. Ляпустиной. При подготовке учитывались переводы А.Л. Смышляева и И.Ш. Шифмана, на что указано в соответствующих примечаниях, а также в некоторых случаях добавлен латинский текст разбираемых источников.